

О-527-в.с.

258522

12.12
898.

Я. ОКУНЕВЪ.

ВОИНСКАЯ СТРАДА.

БОЕВЫЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ

1918
340

Киево "Пролетарій"
Н. Н. Михайлова.

Рис.

Л. А. З. Л.

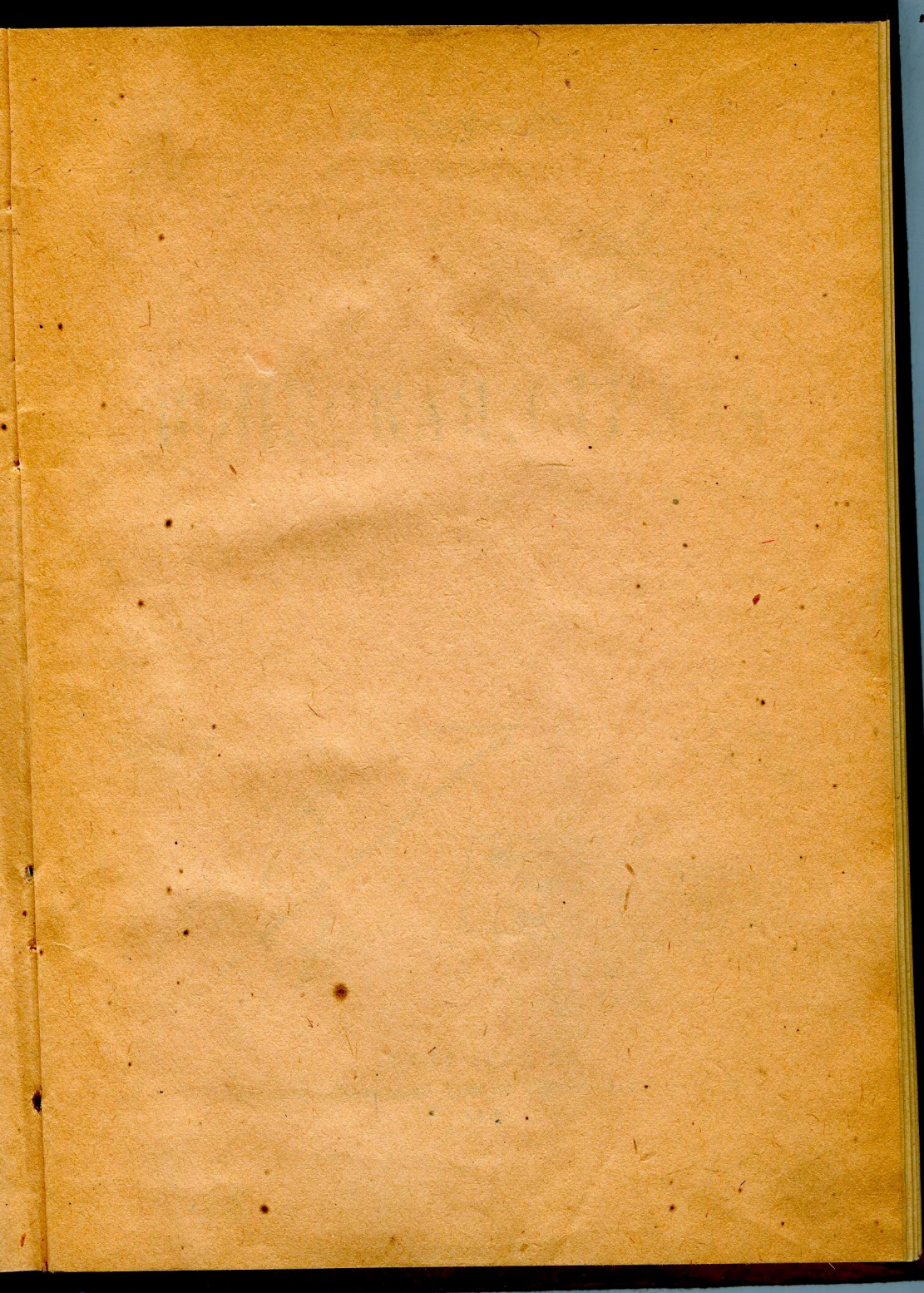
V.N. Karazin Kharkiv National University

00704266

5

25

0-527-В.С.

Я. Окуневъ.

12. II.
~~898.~~

ВОИНСКАЯ СТРАДА.

1464

1218
340.
58

ПРОВЕРИТО
ВНХ
1919

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-
БИБЛИОТЕКА
№ 258522

✓45

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія „Печатный Трудъ“, Прачешный пер., д. № 4.
1915.

Проверено
ЦНБ
1939

К. Огнев

131

888

АДАТОВ

—

1911

С. 1

1911

Воинская страда.

I. Въ походѣ.

Мы привыкли ко всему, обтерпѣлись, „обстрѣлялись“, и трудно теперь удивить или испугать насъ какой-нибудь неожиданностью. Атаки, переходы, обхваты, быстрыя перемѣны фронта, передвиженія по невозможнымъ дорогамъ, а то и безъ всякаго пути и дороги,—все это было, и, кажется, ничего новаго въ смыслѣ испытанія нашихъ силъ, нашей выносливости и терпѣнія дальнѣйшій ходъ кампаніи дать не можетъ. Послѣ Равы, Синявы, Ярослава, послѣ пройденныхъ сотенъ верстъ по болотамъ, топямъ и лѣсамъ, послѣ переправъ черезъ рѣки въ бродъ и по понтонамъ, подъ ужаснымъ непріятельскимъ огнемъ, мы, уцѣлѣвшіе, покрытые корой грязи, въ истрепанныхъ сапогахъ, въ изодранныхъ шинеляхъ и полушубкахъ, равнодушно встрѣтили вѣсть о томъ, что завтра намъ надо выступать въ походъ, что намъ предстоитъ длинный и трудный переходъ къ высотамъ Бескидь, гдѣ придется брать каждый свой шагъ съ бою, завоевывать каждую пядь земли.

Мы—„боевые единицы“. Здѣсь, на войнѣ, вольноопредѣляющійся Сомовъ, окончившій два факультета,

ничѣмъ не отличается отъ олонцакаго мужика Кистякова, который, кажется, дальше ста и считать не умѣетъ. Да и какое тутъ можетъ быть различіе, когда наши дѣйствія координируются и приводятся въ связь не столько дисциплиной, къ которой можно относиться сознательно, сохраняя свою индивидуальность, сколько могучимъ инстинктомъ, который сглаживаетъ умственное превосходство однихъ надъ другими, различіе душевнаго склада, взглядовъ, порывовъ и стремлений. Среди четырехъ тысячъ рязанцевъ, полтавцевъ, туляковъ и костромичей, составляющихъ полкъ, насъ, интеллигентовъ, десятка полтора, и пройдя съ ними путь отъ Сандомира до Стрыя и до Унтервальденскихъ лѣсовъ, мы стали такими же, какъ они, переняли ихъ привычки, хватки, движенія, потому что такъ удобнѣе, „ловчѣ“ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ олонцакіе или пензенскіе мужики въ солдатскихъ мундирахъ.

— Почто это мы безперечь ходимъ, а воевать не воюемъ?— спрашиваетъ Кистяковъ.

Не то, чтобы его обуревалъ воинственный пылъ, но „безперечь ходить“, т. е. дѣлать длиннѣйшіе переходы, марши и обхваты невидимаго непріятеля гораздо труднѣе и утомительнѣе, чѣмъ участвовать хотя бы въ многодневномъ бою.

Кистяковъ убѣжденъ, что непріятель „утекаетъ“.

— Ему всыпали, енѣ и задалъ стрекача. Сиганулъ за гору и вся недолга.

Горъ еще не видно; онѣ гдѣ-то „тамъ“, въ неопредѣленномъ далекѣ, но когда мы ихъ перевалимъ, „ему“ непремѣнно будетъ „крышка“.

— Куды яму, скажемъ, уйти? Некуды, окромя какъ сдаться въ плѣнъ. Ну, тутъ мы яго и возьмемъ, а послѣ того зашабашимъ.

А пока что, мы идемъ по бездорожью форсированнымъ маршемъ, въ полной амуниціи, изрѣдка сталки-

ваясь съ незначительными непріятельскими разбѣздами и пѣшими отрядами. И приходится намъ одолѣвать не живое противодѣйствіе непріятельской арміи, а тысячи искусственныхъ препятствій. Мосты взорваны—мы премъ всей массой черезъ рѣки въ бродъ. Дороги изрыты и заграждены сѣтями колючей проволоки. Кистяковъ рветъ напоромъ тѣла проволочное загражденіе:

— Эка дѣло: дротъ перервать!

Лѣса горять; пламя бушуетъ въ заросляхъ и чащахъ. Кистяковъ только что прошелъ въ бродъ, по горло въ ледяной водѣ, рѣку. Онъ промокъ до мозга костей, въ сапогахъ хлупаетъ вода, а теперь онъ идетъ напроломъ въ огонь. Окутанный ѣдкимъ дымомъ, отъ котораго першитъ въ горлѣ и слезятся глаза, онъ прорывается впередъ къ горамъ, за которыя „сиганулъ“ непріятель и гдѣ мы непременно „запашашимъ“.

Деревни, усадьбы, мѣстечки на нашемъ пути обезлюдѣли. Непріятель реквизируетъ всѣ сѣбѣстныя припасы, а чего реквизировать нельзя было, онъ сжегъ. Наши обозы идутъ кружнымъ путемъ и не поспѣваютъ за нами. Намъ приходится туго, а Кистякову, Пахову, Левченко—всѣмъ, какъ на зло, хочется „подѣсть“. Мечтаютъ о горячихъ щахъ, о чаѣ, о всякихъ прелестяхъ, которыхъ мы давно не видѣли въ нашей трудной боевой страдѣ.

Въ шесть дней прошли около двухсотъ верстъ. Начались холмы, голые, каменистые и крутые. И Кистяковъ повеселѣлъ, яснѣе стали лица у всѣхъ, потому что скоро конецъ походу. Будетъ ли дальше легче—Богъ вѣсть, но нѣтъ уже болотъ, нѣтъ разлившихся рѣкъ и вязкихъ топей, и пусть ожесточенный бой, пусть „марфутки“ и пулеметы—это легче, веселѣе, чѣмъ пробираться по топкимъ дорогамъ Галиціи, спать въ глинистой жижи, дронуть, мокнуть, мерзнуть.

Въ полдень устроили приваль у Б-скихъ высотъ, на „горлышкѣ“. Такъ называютъ солдаты узкій перешеекъ между двумя озерами. Къ вечеру, невѣдомо откуда, показался отрядъ казаковъ, около полусотни. Завидѣвъ издали своихъ, они затанули лихую пѣсню, даромъ, что видъ у нихъ былъ замороженный, что изодрались на нихъ мундиры и что одинъ казакъ былъ даже безъ сапогъ.

— Гдѣ побывали, ребята?

Казакъ смотритъ на пѣхотинца свысока. „Пѣхтура—во шахъ квашена“, „землетопы“, „растяпы“. Сидитъ онъ, подбоченясь, на своемъ „мастачкѣ“ (конь), шуритъ свои раскосые глаза и отвѣчаетъ не сразу. Цыкнулъ слюну сквозь зубы, почесалъ „мастачка“ за ухомъ и пренебрежительно бросилъ:

— Были мы подъ У.

— Какъ подъ У.? Врешь, братъ, тамъ—австрійцы.

Подлѣ горнаго прохода У. сконцентрированы главныя силы непріятеля. Онъ защищаетъ проходы въ Венгрію. Но полусотня казаковъ, посланная на развѣдку, забралась глубоко въ тылъ непріятеля, „нащупала“ расположеніе его силъ и какимъ-то чудомъ прорвалась назадъ, несмотря на заставы и пикеты.

Для развѣдокъ казакамъ совсѣмъ не надо было забираться въ тылъ, но это вышло само собою.

— Пробирались мы въ рыло, съ рыла ихъ видимо-невидимо. Ну, мы и порѣшили двинуть ему въ за-тылокъ.

Кисяковъ, рыжій саженнаго роста мужикъ съ золотой бородой, почувствовалъ себя „Рассеей“. Это для него не формула, не отвлеченность, а конкретный фактъ, и оттого онъ, неуклюжій, какъ медвѣдь, беретъ „нахрапомъ“ укрѣпленныя позиціи непріятеля, бьетъ, словно тараномъ, стѣну австрійскихъ корпусовъ, защищающихъ ворота въ Венгрію. Силою фатальной

увѣренности, что „наша возьметъ“, онъ одолѣлъ Раву и Стрый и претъ впередъ безъ удержу и остановки.

Въ полку четыре тысячи Кистяковыхъ. Въ эту черномоземную толщу вкраплено нѣсколько интеллигентовъ. И увѣренность Кистяковыхъ передается намъ, заражаетъ насъ, крѣпитъ наши силы. И такъ же, какъ Кистяковъ, мы чувствуемъ себя „Рассеей“, огромной, неповоротливой, тяжелой на подъемъ, но сокрушительной въ своемъ медленномъ движеніи по полямъ и лѣсамъ Галиціи...

По даннымъ, доставленнымъ казаками, выходить, что непріятель близко. Да оно видно и по всему: по отдаленнымъ сполохамъ выстрѣловъ, по смутному гулу канонады, по пробѣгающимъ по небу напаривающимъ снопамъ бѣлаго свѣта прожекторовъ. Влѣво отъ насъ завязался бой съ колонной генерала В. Это ложный, демонстративный маневръ, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, пока наши, соединившись у Б-скихъ холмовъ, не обрушатся неожиданно на его правый флангъ.

Хлещетъ дождь, смѣшанный съ ледяной крупой; сырой, холодный вѣтеръ пронизываетъ до костей. Вода забирается за рукава, за воротникъ, течетъ холодными струями по груди и спинѣ, промокнувшая шинель давитъ плечи, сапоги отсырѣли и жмутъ.

— Вольно!..

Люди устали и валятся въ грязь отдохнуть, но шутятъ.

— Спать будемъ въ киселѣ, земляки.

— Не все же, братцы, уру кричать, надо и волкомъ повать.

Сомовъ наслаждается: онъ свернулъ „собачью ножку“ и тянетъ махорку, отъ которой у него, съ непривычки, першитъ въ горлѣ.

— Въ махоркѣ,—говоритъ онъ, кашляя и задыхаясь

отъ ѣдкаго дыма—никотина меньше, чѣмъ въ дорогомъ табакѣ. Славное дѣло—махорка!

Нѣженка и баринъ, онъ въ началѣ кампаніи нервничалъ и брюзжалъ, а теперь обломала таки его pohodная жизнь: даже махорку хвалить сталъ.

II. Боевой отборъ.

Сколько мѣсяцевъ или дней прошло съ тѣхъ поръ, когда еще не было войны—я не знаю, не могу отдать себѣ отчета. Кажется, это было такъ давно, что изъ памяти изгладилось то время, когда мы не лежали въ окопахъ, не ходили по болотамъ, не думали о снарядахъ, о шрапнели, о пулеметномъ свинцѣ. И кажется, всегда такъ будетъ, а если будетъ иначе, какъ прежде, я не знаю, какъ я буду жить, смогу ли я жить, какъ жилъ, послѣ того, что видѣлъ, что перенесъ, что пережилъ среди этихъ орловцевъ, тамбовцевъ, саратовцевъ и полтавцевъ.

И Сомовъ, и Липскій, бывшій инженеръ, и Колесниковъ, бывшій адвокатъ—всѣ мы „бывшіе люди“, а теперь рядовые такого-то полка и роты, говоримъ и думаемъ, чувствуемъ и реагируемъ на окружающее такъ же, какъ пермякъ Лошкаревъ, неграмотный, едва умѣющій выражать свои мысли связными словами, какъ пензенецъ Матрючинъ, какъ всѣ наши сѣрые боевые товарищи. Кровавая страда сроднила насъ, смела перегородки, и въ ужасахъ войны, которыхъ передать нельзя, которыхъ не оправдать никакими доводами, мы стали такими же, какъ они, цѣльными и простыми, безгранично терпѣливыми и стойкими.

Боевой подборъ отмелъ прочь слабыхъ, неустойчивыхъ: они въ тылу, въ лазаретахъ. Онъ закалялъ души оставшихся, и робкіе стали храбрыми, малодуш-

ные—сильными. Чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ больше остается назади тѣхъ, кто не вынесъ трудностей боевыхъ испытаній. Они—пыль, труха арміи, которая намъ не нужна, и некогда намъ жалѣть отставшихъ, больныхъ и павшихъ.

Уцѣлѣль боевой отборъ, лучшіе, сильнѣйшіе, наиболѣе приспособленные, и послѣ войны они, эти сильные, все видѣвшіе и все перенесшіе, внесутъ новое въ жизнь.

Кистяковъ говорить:

— Зря и курица умирать не станетъ. А народъ—не курица.

Ему недоступны международные принципы, которые онъ призванъ защищать, но онъ знаетъ свое и нашелъ смыслъ и оправданіе войнѣ:

— Народъ коли въ дѣло двинули—выходить, значить, громаднѣйшій антитиресъ. То-то!..

Сейчасъ, строясь въ ряды, чтобы, переваливъ черезъ холмы, войти въ сферу боя, солдаты хмуро серьезные и молчаливы. Надъ лѣсомъ съ визгливымъ воемъ рвется шрапнель, гудитъ въ лѣсу огненный ураганъ; тамъ сущій адъ, а мы взбираемся по крутизнѣ къ лѣсу, цѣпляясь руками, ногтями, винтовками за выступы, за камни, за сухіе сучья кустарника. Сзади насъ катятъ на гору полевые орудія. Люди помогаютъ лошадямъ и съ трудомъ поднимаютъ много-пудовую тяжесть по крутизнѣ на макушку горы.

А тамъ, наверху, въ зонѣ непріятельскаго обстрѣла, работаютъ саперы: слышны удары лопатъ по каменистой почвѣ и крикъ людей, подбадривающихъ другъ друга въ опасномъ боевомъ трудѣ:

— Ну-ка, разомъ, у-ухъ!

— Наддай, наддай, р-азъ!

Вотъ и лѣсъ. Шрапнель и пулеметный огонь срѣзываютъ, какъ ножомъ, вѣтви деревъ, щелкаютъ по

корѣ, звучно шлепають, падая на камень и разбрызгивая во всѣ стороны щебень и осколки чугуна. По обочинамъ дороги загорѣлся кустарникъ, и ползуть по стволамъ сосенъ огненные змѣйки, лижутъ хвою, разгораются и трещатъ. И дробью, какъ частый и крупный градъ по деревянной крышѣ, стучить пулеметный свинець:

— Т-р-р-р!.. Тра-та-та!..

Рядомъ, гдѣ шелъ Лошкаревъ, вдругъ становится пусто. Лошкарева нѣтъ. Вотъ онъ ползетъ на четверенькахъ, а за нимъ—красный слѣдъ. Сѣлъ, закачался изъ стороны въ сторону, глаза закрылъ и скрежещетъ зубами. Шеренга смыкается. Мѣсто Лошкарева занимаетъ Мастрючинъ. Съ подбородка его капаетъ кровь, падаетъ на грудь и расплзается алымъ пятномъ по шинели.

— Раненъ?

— Гдѣ?..

Онъ не чувствуетъ боли, не знаетъ о ранѣ и только теперь, тронувъ подбородокъ, смотреть съ минуту на замазанную кровью руку, на шинель и говорить:

— Жгется маленько. Пустое дѣло...

Могучій, оглушительный раскатъ грома. Зыблется земля подъ ногами; лѣсъ сразу окутывается желто-бурымъ дымомъ, и въ густомъ дыму не видно товарища, шагающаго рядомъ. Это гдѣ-то неподалеку взорвался минированный участокъ, фугасы.

Команда:

— Разсыпся!

Потомъ коротко и рѣзко:

— Въ атаку!

Привычное, почти механическое движеніе: разъ-два-три. Ружье на вѣсу, скачекъ впередъ, скачекъ въ сторону. Готово. Нѣтъ никого рядомъ, нѣтъ ощущенія живой связи со строемъ. Оборвалась нить между мною,

Мастрючинымъ, Лбовымъ. Я одинъ. Тоскливая, смертная жуть. Гудятъ, свистятъ и воютъ пули надъ головою, передъ глазами, какъ большія черныя мухи. Какъ много ихъ, какъ много! Вотъ одна тоскливо заплакала надъ самымъ ухомъ:

— И-и-и!

Другая скользнула по флягѣ, зазвенѣла, третья щелкнула по стволу винтовки. И всѣ въ меня, въ меня одного, и колотье, острое и горячее, пробѣгаетъ по тѣлу, съ головы до ногъ...

— Ложись!

— Что это—команда? Некогда разбирать. Предъ глазами кочка, маленькій, едва возвышающійся бугорокъ желтой земли. И кажется онъ очень большимъ,—большимъ прикрытіемъ отъ пуль, отъ шрапнели, отъ гранатъ.

— Шеренга, переходи-и направо!

Какая тамъ шеренга, когда я одинъ? Не хочется подняться съ земли. Тѣло тяжелое, словно налито свинцомъ, и ноги въ колѣнкахъ не гнутся, и жаль кочки, за которой прятался отъ пуль.

Тамъ, куда несетъ инерція бѣга, поднялась воронка пламени и дыма. И кажется, не сдержать разбѣга, вотъ налетишь на разрывъ, на дождь осколковъ, но тѣло получаетъ откуда-то изнутри неожиданный и сильный толчекъ, и ноги сами несутъ меня въ другую сторону, мимо огненной воронки.

Воля подчинена командному окрику. Онъ заставляетъ машинально подыматься, дѣлать перебѣжку и опять ложиться.

А въ головѣ странно ноетъ одна и та же мысль, даже не мысль, а нелѣпый отрывокъ фразы:

— Сорокъ бочекъ закопаль...

Откуда она взялась, гдѣ я слышалъ ее, что она значитъ—не знаю, но я мысленно кричу ее во весь

голосъ и заглушаю ея страхъ, тысячи разъ повторяя, безъ остановки, чтобы не дать во время паузы вторгнуться сознательной мысли объ ужасъ, о страхъ:

— Закопалъ, закопалъ, закопалъ.

— Стройся!

Передъ самымъ окопомъ непріателя смыкаются ряды. Всѣ цѣлы: Лбовъ, Михайловъ, Васютовичъ, я. И сразу перегорааетъ весь ужасъ въ душѣ. Вотъ мои руки, мое тѣло, цѣлы, здоровы, не тронуты:

— Ура-а!

Радостно, звонко, весело вырывается крикъ изъ груди, и все въ немъ, въ этомъ крикѣ: и смѣхъ, и восторгъ, и упоеніе жизнью.

— Ура-а!

Рожки поютъ весело и бодро:

— Тра - тра - та!

— Въ штыки!

Навстрѣчу нашимъ штыкамъ изъ непріательскихъ окоповъ встаетъ острая стальная щетина. Люди въ сине-сѣрыхъ мундирахъ смѣшиваются съ нашими рядами. Но атака коротка. Черезъ четверть часа австрійцы отброшены и, занявъ параллельный рядъ окоповъ, вырытыхъ ими раньше и находящихся въ полуверстѣ отъ нашего новаго расположенія, опять открываютъ сильный орудійный огонь.

III. Въ обходъ.

При такихъ условіяхъ, когда пулеметный огонь не даетъ сосредоточиться въ зонѣ обстрѣла болѣе или менѣе сплоченной группѣ войска, нечего и говорить о борьбѣ съ противникомъ вплотную. Приходится все время маневрировать, завязывать отдѣльные стычки съ небольшими группами войска и самимъ разсыпаться

мелкими отрядами, группируясь въ большія массы только тогда, когда это позволяют условія мѣстности и момента.

Новое расположеніе силъ непріятеля и усиленіе его артиллеріи заставили насъ вести, послѣ взятія перваго ряда траншей, инженерную атаку, т.-е. пробиваться впередъ сапой. Въ то же время нашему отряду было приказано обойти непріятеля съ тыла.

Дорога была намъ знакома только по картѣ. Но какое значеніе имѣетъ карта, когда вся мѣстность измѣнилась до неузнаваемости? Вотъ здѣсь должны быть три деревни, у которыхъ скрещиваются дороги. Но деревни какъ сквозь землю провалились, а дорогъ нѣтъ—какъ нѣтъ.

— Поищемъ влѣво, — приказалъ поручикъ С., командовавшій отрядомъ.

Бросились влѣво. Тамъ рвы какіе-то.

— Ну-ка, ребята, вправо.

Направо оказалось болото.

Поручикъ совсѣмъ растерялся, не зная, куда вести людей и боясь нарваться на засаду. А здѣсь еще надо было спѣшить, чтобы ударить въ тылъ непріятеля какъ разъ въ тотъ моментъ, когда наши, приблизившись при помощи сапы на достаточное разстояніе къ его окопамъ, бросятся въ штыки. Надо было произвести эффектъ неожиданностью двойного удара и заставить его отступить къ Б., гдѣ его ожидало полное окруженіе.

Вольноопредѣляющійся Меншуткинъ, бывшій адвокатъ, навелъ насъ на слѣдъ, примѣнивъ приемы заправскаго Шерлокъ-Хольмса. Онъ излазилъ по болоту всю окружающую насъ заросль, нащупалъ, чуть-ли не обнюхалъ каждый кустикъ и вернулся съ „трофеемъ“.

— Есть.

Это была только коробка изъ подъ консервовъ. Но

она не проржавѣла еще: значитъ, тамъ, гдѣ Меншуткинъ нашелъ ее, недавно были австрійцы.

Бросились туда. Разумѣется, такъ: вотъ нѣсколько окурковъ, втоптанныхъ въ грязь, брошенная обойма, открытое письмо, адресованное какому-то Максу Фриденбаху.

Неосторожный Фриденбахъ, пожалуйста сюда! При свѣтѣ электрическаго фонаря письмо Фриденбаха рассказываетъ намъ, что онъ—рядовой 35-го тирольскаго пѣхотнаго полка. Значитъ, здѣсь прошелъ его полкъ, т.-е. какъ разъ та армейская часть, которая, по свѣдѣніямъ нашихъ развѣдокъ, сражается въ составѣ развернутаго противъ насъ фронта.

И хотя жутко намъ, отрѣзаннымъ отъ своихъ, въ липкой тьмѣ сырой ночи, но то, что мы идемъ по вѣрнымъ слѣдамъ, прогоняетъ жуть одиночества и затерянности. Мы полземъ впередъ, ища все время „вещественныхъ доказательствъ“.

И опять адвокатъ, которому вовсе не слѣдовало бы быть адвокатомъ, а детективомъ, отыскиваетъ новый слѣдъ: онъ проваливается въ яму и оттуда кричить:

— Траншея!

Дѣйствительно, это—покинутая траншея; впереди нея висится насыпь. Поручикъ освѣщаетъ ее фонарикомъ. Насыпь прорыта. Непріятель приближается къ намъ, очевидно, такъ называемой перекидной сапой, т.-е. врывается въ окопъ, бросая землю черезъ насыпь и образуя впереди насыпи новый окопъ и такъ далѣе. Онъ ведетъ, такъ сказать, подземное наступленіе.

— Стара штука!—сказалъ ефрейторъ Дятловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, „стара штука“. Мы сами дѣлали такую же работу до тѣхъ поръ, пока нашему отряду не приказали идти въ обходъ. И теперь наши продолжаютъ тамъ прорываться сюда сапой. Приемы совпали у насъ и у противника.

— Ну-ка, полѣзай, братцы.

Одинъ за другимъ спускаются въ траншею, гуськомъ проползаютъ сквозь окопъ, выбираютъ на свѣжій воздухъ и, очутившись у второго окопа, опять ползутъ по подземному корридору.

Это будетъ полной неожиданностью, когда, идя по слѣдамъ непріятеля, мы очутимся у самыхъ его траншей, уткнемся вплотную въ его спину.

— Ну, и накладемъ же мы ему въ загривокъ!— восклицаетъ Дятловъ.

— Тише, не ори!—обрываетъ его восторгъ поручикъ.

— Золото, а не непріятель,—уже вполголоса говорить восторженный Дятловъ адвокату.

То, что противникъ, хотя и обойденный нами, во много разъ сильнѣе насъ, отходить какъ-то на задній планъ. Мы заняты однимъ: подобраться незамѣченными какъ можно ближе.

— Стой!—шопотомъ командуетъ поручикъ.

Уже слышна орудійная канонада. Со всѣхъ сторонъ раздаются гулкіе взрывы снарядовъ нашей артиллеріи, обстрѣливающей впереди насъ непріятельскія батареи. Снаряды рвутся близко; слѣдовательно, и непріятель недалеко.

— Х-х-хъ!—захрипѣлъ кто-то рядомъ.

— Ахъ, сукиннаго сына! — выругался Павлухинъ, наваливаясь на кого-то и пыхтя, какъ паровозъ.

— Такъ что непріятель, ваше благородіе, — отдуваясь, отвѣчаетъ Павлухинъ.

— Гдѣ? Какой непріятель?

Да ѣтъ спекся. Нѣту яго уже, ваше благородіе. Весь вышелъ.

Оказалось, что Павлухинъ наткнулся на отставшаго или дезертировавшаго австрійца и задушилъ его. И вышло это у него мимоходомъ, такъ что онъ еще и самъ не разобрался, какъ это случилось.

— Енѣ меня за ногу, значить, цапъ! А я яго за шею. Енѣ зубами, а я—хрясь, и задавилъ какъ куренка. Штука—недолга.

Яснѣе и отчетливѣе доносятся выстрѣлы, и можно уже разобрать команду. Высокій пѣвучій голосъ все время приказываетъ:

— Feuer!

Другой, грубѣе и ниже распоряжается саперными работами:

— Recht! Vorwärts! Feuer!

— Ваше благородіе,—окликаетъ поручика Дятловъ.

— Ну?

— Лошади.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, за прикрытіемъ стоятъ отпряженные отъ орудійныхъ передковъ лошади. Слышно, какъ жуютъ овесъ. Подлѣ нихъ передки, и ходять у передковъ взадъ и впередъ двое часовыхъ.

— Ай ахнуть, ваше благородіе?—спрашиваетъ неутомонный Павлухинъ, только что задавившій, „какъ куренка“, австрійца.

— Что это—ахнуть?

— А такъ что броситься на сторожевъ энтихъ и того... хрясь.

— Нельзя.

Поручикъ приказалъ осторожно продвинуться еще нѣсколько шаговъ, и когда сталъ видѣнъ тылъ неприятельскихъ окоповъ, опять велѣлъ залечь и ждать.

Отсюда видно было зарево надъ нашими позиціями, находившимися на опушкѣ лѣса. Очевидно, лѣсъ загорѣлся отъ артиллерійскаго огня и пылалъ со всѣхъ концовъ.

И странно было, что тамъ, на багровомъ фонѣ пожаровъ, чернѣются изломы нашихъ окоповъ, что они посылаютъ сюда снаряды, а мы здѣсь, за спиной неприятеля, въ двадцати шагахъ, такъ близко, что видны

ноги и спины залегшихъ въ окопы солдатъ, слышна команда, окрики, стоны и шлепанье пуль по блиндажу.

Оттуда, гдѣ былъ лѣсъ, донеслось глухое „ура“. Наши шли въ атаку. Еще нѣсколько минутъ. Выстрѣлы изъ непріятельскихъ траншей слились въ непрерывный трескъ. Словно молнія одна за другой разсѣкали промозглую тьму.

— Ура-а!—раздалось совсѣмъ близко.

Пробравшись вплотную къ тылу непріятеля по подземнымъ сапамъ, вырытымъ его же саперами, всю ночь шедшіе и ползшіе съ крайнею осторожностью, съ крайнимъ напряженіемъ вниманія, люди не могли спокойно лежать на мѣстѣ, когда въ нѣсколькихъ шагахъ гремѣло „ура“ нашихъ, одолѣвавшихъ колючую изгородь, стоявшую предъ окопомъ.

И не дожидаясь команды поручика, словно брошенные впередъ невидимой могучей силой, люди сами ворвались въ окопы и ударили непріятеля въ тылъ.

Всего около сотни человѣкъ бились съ нѣсколькими тысячами, но эти тысячи были ошарашены неожиданностью и уже не могли сражаться, потому что та психическая сила, которая, наперекоръ чувству страха, заставляетъ самихъ людей идти въ бой, была подавлена и развѣяна; моральное сцѣпленіе между людьми, сливающее ихъ въ боеспособный коллективъ, распалось. Арміи не было: были единицы, люди, объятые ужасомъ, мечущіеся изъ стороны въ сторону и не способные уже ни обороняться, ни даже искать спасенія въ отступленіи.

Такова сила неожиданнаго нападенія: она деморализуетъ, разрушаетъ общность, и войско превращается въ случайный сбродъ людей, не знающихъ, что имъ дѣлать съ оружіемъ, куда броситься, какъ уйти отъ ослѣпляющаго умъ и парализующаго волю страха.

Толстый австрійскій поручикъ, тотъ самый, кото-

я. ОКУНЕВЪ.

2

рый командовалъ саперами, сидѣлъ въ углу траншеи и навзрыдъ плакалъ и сквозь рыданія ругался и приказывалъ:

— Vorwärts, Bestien, vortwärts!

Но „бестіи“ не слушались его. Они бросали оружіе, потому что съ обѣихъ сторонъ ихъ атаковали и стиснули, и только правые фланги непріятельскихъ окоповъ, сдавъ всѣ свои четыре батареи, успѣли оттянуться къ Б. и уйти. Остальные сдались...

В ъ о г н ѣ.

I.

— У-у-у!

А потомъ рѣзко, визгливо, съ перерывами:

— Взи-и, взи-и!

Какъ будто визжитъ пила, наткнувшаяся на сучекъ.

И сразу ударило, загремѣло, засвистѣло, шипя и поднимая вихрь.

Это летѣль „чемоданъ“ и упалъ, разорвавшись въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ траншеи. Упалъ въ болото, надъ которымъ поднялись густые клубы пара и дымъ и высокій фонтанъ иловой грязи.

Это оглушительно, эффектно, но ничуть не страшно. Тяжелый на подъемъ снарядъ сорока двухъ сантиметрового орудія летитъ медленно, по прямой; сначала тамъ далеко, у лѣса, всплываетъ буро-желтое густое облако дыма, потомъ рывкнетъ чудовищное орудіе, а затѣмъ уже, разбрызгивая во всѣ стороны искры и оставляя позади себя хвостъ дыма и огня, „жалуется къ намъ“, какъ выражается пензенецъ Максютовъ, тяжелый и неуклюжій „чемоданъ“. Наши солдаты, привыкнувъ къ этимъ снарядамъ, уже знаютъ по ихъ полету, гдѣ они „лягутъ“, и прапорщикъ К., наблюдая за летящимъ снарядомъ, командуетъ протяжно и пѣвуче:

— Третья шеренга влѣво переходи-и!

Или:

Взводъ назадъ подда-а-айся!

Иное дѣло—шрапнель и пулеметный огонь. Они не даютъ поднять головы изъ-за окопа, они падаютъ и падаютъ сплошнымъ дождемъ, свистя, завывая, звеня, барабаня по блиндажу, сбиваютъ щебенъ съ камней, которыми мы укрѣпили фронтъ окоповъ, и днемъ и ночью, безъ усталости и перерыва поютъ свою тягучую, тоскливую пѣсню.

— И-и-и у-у а!

Стаканы шрапнели рвутся съ противнымъ визгливымъ звономъ; куски стали, „начинка“, комья земли и камни разлетаются во всѣ стороны и бьютъ прямо, бьютъ рикошетомъ, контузятъ, ранятъ, рвутъ живое тѣло.

Справа и слѣва пожары. Горятъ зажженные снарядами деревни М. и С., и вѣтеръ, дующій „во фронтъ“ (здѣсь не говорятъ „въ лицо“, „въ спину“, а „во фронтъ“, „въ тыль“), приносить съ собою оттуда горькій дымъ, который ѣстъ глаза и спираетъ дыханіе. Жители этихъ деревень ушли въ лѣса и попали между двухъ огней—нашимъ и непріятельскимъ. Находящійся въ зонѣ обстрѣла лѣсъ засыпаетъ снарядами, и по ночамъ, когда затихаетъ канонада, оттуда несется надрывающій душу звѣриный вой голодныхъ, одичавшихъ отъ страха, отъ ужаса людей... Страшнѣе пулеметовъ и шрапнели этотъ ночной вой въ лѣсу.

За двѣ недѣли „позиціонныхъ“ боевъ люди до того привыкли къ неустанному грохоту пальбы, что буквально не слышатъ уже ея. И когда ревъ гаубицъ смѣняется трескотней пулеметовъ, которая можетъ оглушить свѣжаго человѣка, солдатъ Кирилловъ, человѣкъ саженаго роста, мохнатый и звѣроподобный, но добродушный и склонный къ сентиментальности, подымаетъ голову и спрашиваетъ:

— Чтой-то, землячки, тихо стало? Аль пойти за водой?

Отсутствіе воды—это наше несчастье. Во время длительной перестрѣлки, отъ напряженія или отъ чего другого, въ горлѣ пересыхаетъ и мучительно хочется пить. Фляга съ водою скоро опорожняется, а колодецъ находится саженьяхъ въ тридцати отъ насъ, между нашими окопами и непріятельскими. И вотъ Кирилловъ медленной, неуклюжей походкой, съ ведромъ въ рукахъ, идетъ къ колодцу, даже не кланяясь встрѣчнымъ пулямъ, которыя „идутъ густо“, сплошнымъ роемъ.

— Ложись, дурень! На животъ ползи,—кричатъ ему изъ траншеи.

Онъ останавливается, поворачиваетъ голову и отвѣчаетъ:

— Брюхо-то свое, не казенное. Неровень часъ—попортишь.

И той же медлительной походкой съ развальцемъ идетъ дальше.

Онъ вовсе не храбръ и не бравируетъ. Онъ равнодушенъ, уравновѣшенъ, неуклюже какъ-то чувствуетъ весь окружающій его ужасъ, и мысли у него неуклюжія, неповоротливыя, какъ онъ самъ. Ружье кажется ему слишкомъ маленькой и слишкомъ мудреной штукой, и когда мы идемъ въ атаку, то Кирилловъ больше дѣйствуетъ прикладомъ, чѣмъ штыкомъ, и при этомъ ухааетъ, какъ дровосѣкъ, а то совсѣмъ закинетъ винтовку за плечи и пойдетъ дѣйствовать кулаками величиной съ дѣтскую голову, бьетъ, дробитъ, крушитъ и реветъ, какъ звѣрь:

— У-у, сво-о-лочъ нѣмецкая!

А наканунѣ, когда прапнелю разворотило животъ ефрейтору Малькову, земляку Кириллова, онъ бросился къ ефрейтору, поднялъ его, понесъ—куда, онъ едва ли

зналъ самъ. Пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и, увидѣвъ, что Мальковъ умеръ, спустилъ его на-земь, сказалъ:

— Какъ же это ты, Мальковъ? А?

И отвернувшись отъ насъ, странно зарычалъ:

— Гы-ы-ы!

Итакъ, за двѣ недѣли „позиціоннаго“ боя мы обтерпѣлись. Жизнь вошла въ норму, если можно говорить о какой-либо нормѣ на войнѣ. Ровно въ шесть часовъ утра раздается первый орудійный выстрѣлъ непріятеля, въ восемь начинаютъ косить пулеметы, а около полудня—затишье...

— Енъ снѣдаетъ.

Нашего обоза нѣтъ какъ нѣтъ, ротныя кухни застряли въ П., и „снѣдать“ намъ приходится сухарями, которые подходятъ къ концу. Наша завѣтная мечта, тема нашихъ разговоровъ и центръ нашихъ мыслей—ротная кухня. Хотъ бы скорѣе ихъ доставили сюда на позиціи, поѣсть бы горячихъ щей съ капустой, на салѣ.

— Что-то, братцы, кашей несеть. Откелева это?

— Велика Федора, да дура! Откуда каша?

— Подтяни, Кирилловъ, пузо: каша въ тылу, а намъ сухари—и на томъ спасибо.

Кирилловъ облизывается отъ почудившагося ему запаха каши и, поскребывая затылокъ, лѣзетъ въ землянку отоспаться, покуда тихо.

И покуда намъ не скомандуютъ:

— Рота начина-ай!—всякій занимается своимъ дѣломъ. Артиллерійскій офицеръ М., длинный, какъ жердь, спускается съ каменной площадки, на которой находится его батарея. Близорукій, онъ тыкаетъ головой во всѣ стороны, чуть ли не въ лица солдатъ и спрашиваетъ:

— Э-э, не видалъ ли ты, милый, вольноопредѣляющагося Шаскольскаго?

Каждый день во время затишья, Шаскольскій и М. сосредоточенно и молча играютъ въ шахматы. Случается, канонада прерываетъ ихъ игру. Тогда оба записываютъ расположеніе своихъ фигуръ и расходятся каждый къ своему дѣлу. Шаскольскій пощелкиваетъ изъ за окопа затворомъ винтовки, а офицеръ М. въ адскомъ огнѣ такимъ же ровнымъ голосомъ, какъ говоритъ: — Шахъ королю, — командуетъ:

— Наводи. Тэ-экъ. Ноль и шесть. Тэ-экъ. Ноль и пять...

Наканунѣ осколокъ шрапнели оторвалъ ему два пальца лѣвой руки. Старшій офицеръ предложилъ ему идти на перевязку.

— Э-э, зачѣмъ? — пожалъ плечами М. — Лѣвая рука это... Гаврилюкъ! Вынь, милый, свой бинтъ и перевяжи мнѣ этотъ пустякъ.

Съ этимъ „пустякомъ“ онъ выстаиваетъ у своихъ орудій уже пятый день, хотя, видимо, перемогается, потому что вся лѣвая рука почернѣла и горитъ, какъ въ огнѣ.

— Поручикъ, вѣдь можетъ антоновъ огонь приключиться, — говоритъ ему Шаскольскій.

— Ну?

— Отъ этого можно умереть.

— Тэ-экъ. Беру вашу туру.

Въ тотъ же вечеръ поручикъ М. впалъ въ безпамятство. Свалился тутъ же, у орудійнаго лафета. Его увезли въ санитарный пунктъ, но едва ли довели...

Тогда же вечеромъ случилось и другое событіе, сразу нарушившее наше „мирное житіе“ въ окопахъ. Во время полного затишья вдругъ загорѣлся кустарникъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, находился лѣвый флангъ непріятеля, загорѣлся безъ вся-

кой видимой причины. Подозрительно было то, что на мѣстѣ пожара поднялся густой, почти непроницаемый дымъ, за которымъ скрылись видѣвшіеся по ночамъ красные огоньки непріятельскихъ батарей. Конный развѣдочный отрядъ, посланный „нащупать“ непріятеля, не вернулся, а къ полудню слѣдующаго дня „заговорили“ новыя батареи, состоявшія изъ орудій крупнаго калибра и дальняго боя. Онѣ били насъ съ той стороны, откуда мы вовсе не ожидали обстрѣла, и потому для насъ стало ясно, что пожаръ былъ уловкой, что непріятель за дымовой завѣсой произвелъ передвиженіе и перекомплектованіе своихъ силъ. Съ этого дня началось нѣчто невѣроятное. На нашу позицію лился непрерывный дождь свинца, желѣза и стали. Замолкали однѣ батареи, начинали другія, и такъ безъ передышки, днемъ и ночью.

Мы привыкли ко всему. Намъ приходилось дѣлать длинные переходы по двадцать верстъ въ сутки, все время ведя бои съ противникомъ; мы прорывались черезъ лѣса, опутанные колючей проволокой, гдѣ на каждомъ шагу были предательски прикрыты дерномъ волчьи ямы и фугасные минированные участки; на наши головы валились подпиленные деревья, подъ нашими ногами взрывалась земля, и летѣли въ воздухъ клочья человѣческаго мяса; мы утопали въ болотахъ, пробирались въ бродъ черезъ рѣки, и мокрые, продрогшіе, бросались въ атаку и побѣждали. Побѣждали не благодаря численности, не превосходствомъ техники, нѣтъ! Вопреки всѣмъ законамъ человѣческой логики, когда казалось, что насъ неминуемо разобьетъ, раздавитъ непріятель, вооруженный блиндированными автомобилями съ вращающимися скорострѣльными орудіями, пушками, которыя бьютъ на восемнадцать верстъ (наши дальнобойныя гаубицы бьютъ на 12 верстъ), непріятель, обладающій развѣдочнымъ воздушнымъ

флотомъ, минировавшій лѣса, поля, даже участки дороги,—хитрый, культурный, сильный непріятель,—вопреки всему этому, мы послѣ утомительнаго перехода вступали въ бой и брали „съ налета“ позицію за позиціей. Теорія и жизнь говорятъ, что артиллерійское орудіе, особенно пулеметь, дающій семьсотъ выстрѣловъ въ минуту, можно брать только съ фланга. Но пензенцу Лаптеву въ высшей степени наплевать на теорію и практику. Онъ, не слушая приказанія, претъ папроломъ и беретъ пулеметь „со лба“.

— Какъ же ты, такой-растакой, не слушаешь команды? Чего зашелъ во фронтъ, когда велѣно во флангъ?

„Такой-растакой“ чешетъ затылокъ и говоритъ:

— Виновать, ваше... Да во хлангъ, оно, далече. А этакъ взять его было ловчѣе: потому ближе.

Но отлеживаться въ окопахъ въ то время, когда непріятель не даетъ передохнуть непрерывнымъ обстрѣломъ, когда, нарастая и нарастая, орудійная канонада слилась въ сплошной ревъ и вой, отъ котораго уши гложутъ и голова словно налилась свинцомъ—это не по силамъ не только мнѣ и Шаскольскому, но даже всегда уравновѣшенному Кириллову, который бранится:

— Растуда ихъ! Чего не велятъ идти въ атаку?

Пальцы одервенѣли отъ стрѣльбы. Валится изъ рукъ винтовка, голова клонится отъ усталости, и хочется спать, безумно хочется спать. И щелкаешь сквозь сонъ затворомъ, сквозь сонъ слышишь команду и громовые раскаты канонады.

А пальба все усиливается. Непріятель пристрѣлялся, нащупалъ прицѣлъ и бьетъ по окопамъ. Сверху валится земля, внизу, за спиной гудятъ, шипятъ, свистятъ, звенятъ рвущіеся снаряды. Кто-то лежалъ рядомъ со мною. Его уже нѣтъ. Убило? Ранило? Не знаю, потому что глаза ничего не видятъ, умъ не соображаетъ.

Сзади жужжить, какъ волчокъ, „чемоданъ“, вращаясь передъ разрывомъ. Оглянуться? Нѣтъ. Если я посмотрю назадъ, если я поверну голову, я убѣгу отсюда, не смотря на дисциплину, не смотря ни на что. Спину и затылокъ обдало чѣмъ-то горячимъ, залилось за воротникъ, и ползетъ липкая, теплая струя по шеѣ, по плечамъ, по спинѣ... Не больно: значить, не раненъ. Но откуда липкая струя крови?

— Ой, бра-ат-цы вы мо-о-и!

Кричитъ позади кто-то хриплымъ и протяжнымъ голосомъ, потомъ отхаркивается и снова кричитъ:

— Ой, ой, ой!

Противъ воли поворачивается голова туда, гдѣ этотъ ужасный стонъ. Тамъ какой-то багровый туманъ; въ туманѣ копошатся надъ черно-красной грудой нѣсколько человѣкъ, а подлѣ меня, совсѣмъ близко бьется Терентьевъ, ефрейторъ второй роты. Наклонился къ нему. Онъ притихъ; скрежеща зубами (я почему-то четко и ясно вижу, что у него бѣлые, крупные зубы), онъ подавляетъ боль и шепчетъ, икая:

— Напиши... Икъ... Женѣ отпиши... Икъ... Померь... Икъ-икъ... Адресъ тутъ...

И вытянулся, не успѣвъ показать, гдѣ адресъ.

У вольноопредѣляющагося Шаскольскаго лицо блѣдное и перекошенное; видно, какъ онъ старается подавить въ себѣ страхъ, такъ же, какъ это стараются сдѣлать всѣ, потому что нѣтъ ни одного человѣка, который, лежа въ окопахъ подъ такимъ убійственнымъ огнемъ, не боялся бы; даже самые храбрые, самые спокойные, какъ Лаптевъ, какъ орловецъ Дитятинъ, который идетъ въ атаку съ трубкой въ зубахъ, и тѣ блѣдны и стрѣляютъ, полузакрывъ глаза, ничего не соображая, стараясь не слышать стоновъ раненыхъ, падающихъ рядомъ, назади, вездѣ.

Но проходить часъ—другой, и страхъ смѣняется

отупѣніемъ и равнодушіемъ, хотя обстрѣлъ нашихъ позицій не только не ослабѣваетъ, но усиливается. Прежде нашъ ротный командовалъ дрожащимъ, срывающимся голосомъ, теперь онъ отдаетъ приказанія спокойно, и въ голосѣ его слышна усталость. Онъ раненъ въ ногу шрапнелью, сидитъ на барабанѣ, а санитаръ разрѣзываетъ его залитый кровью сапогъ, чтобы освободить раздробленную ступню. Должно быть, очень больно, потому что ротный скрежещетъ зубами. Санитаръ, смертельно блѣдный и потный, бросаетъ въ сторону ножъ и глядитъ на капитана.

— Скорѣе, скорѣе. Кончай,—кричитъ тотъ.

Санитаръ опять принимается за работу, но ротный сползаетъ съ барабана на землю, падаетъ:

— Уже,—говоритъ онъ. Что-то kloкочеть у него въ груди. Кончено...

Онъ пытается встать, садится и, царапая землю пальцами, кричитъ хрипло, задыхаясь и сплевывая кровь:

— Поручикъ Коллонтай... х-х-хъ... Пору-у-чикъ. Передаю вамъ... х-хъ—тьфу!

Поручикъ подбѣгаетъ къ ротному, тотъ силится что-то сказать, но не можетъ; изъ груди его, вмѣсто словъ, вырывается какое-то странное хлюпаніе:

— Хлю-хлю... рота... хлю-хлю.

Онъ падаетъ и бьется въ предсмертной судорогѣ.

Поручикъ машетъ рукою и отбѣгаетъ въ сторону. Жалѣть некогда.

II.

... Поднялся вѣтеръ и разсѣялъ дымъ. Изъ-за тучъ выглянуло солнце, яркое и веселое. Съ дальнихъ холмовъ сползли внизъ синіе прямоугольники. Это неприятельскіе полки. Сначала медленно, а потомъ бы-

стрѣе и быстрѣе, мѣняя свои очертанія, полки австрійцевъ двинулись по направленію къ нашимъ окопамъ. Слышенъ быстрый, все ускоряющій свой темпъ топотъ тысячъ лошадиныхъ и человѣческихъ ногъ. Это атака. Впереди, въ красныхъ мундирахъ мчится венгерская кавалерія, за нею синяя пѣхота. Ихъ подпускаютъ близко къ окопамъ. Уже слышенъ дикій тысячеголосый крикъ, видны лица, опьяненные, озвѣрѣлыя, съ раскрытыми ртами.

— Р-разъ!

Дали залпъ. Застучали часто пулеметы, ахнули орудія. Дымъ засталъ поле и окуталъ сине-красную лавину, катящуюся на насъ. Ничего не видно. Слышенъ только вой, ревъ, хриплые крики. Потомъ дымъ разсѣивается, и въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ окоповъ видна гора тѣлъ, вышиною около аршина. Торчатъ руки, какъ будто угрожающія кому-то кулаками, ноги, сведенныя судорогой, лица, искаженныя ужасной мукой, блестятъ подковы на копытахъ лошадей, свалившихся въ одну кучу съ людьми, скошенныхъ пулеметнымъ и ружейнымъ вихремъ.

А солнце весело играетъ въ ручейкахъ алой крови, которые растекаются во всѣ стороны изъ-подъ горы тѣлъ. За павшими рядами налетаютъ новые ряды, но ихъ косить огонь нашихъ батарей, и гора человѣческаго мяса растеть, растеть, растеть. Она живая, эта гора: руки, высунувшіяся изъ нея, шевелятъ пальцами, лица гримасничаютъ—ужасныя гримасы предсмертной муки! Раненая лошадь, наполовину заваленная тѣлами людей, силится вырваться изъ-подъ груды мертвецовъ и умирающихъ, бьетъ передними ногами, желѣзными подковами по головамъ, по спинамъ, по грудямъ и стонетъ, какъ человѣкъ:

— О-о!

Въ этотъ моментъ не сознаешь, не ощущаешь этого

ужаса, не видишь его даже. Только позже память воз-
становливаетъ деталь за деталью все то, что было, и
холодъ пробѣгаетъ по тѣлу, и волосы шевелятся на
головѣ, когда вспомнишь эту ужасную, еще живую
гору людей и лошадей, которая росла все выше и выше
предъ окопами.

Если бы мы были на войнѣ такими же людьми,
какъ дома, въ мирной обстановкѣ, мы не могли бы
одолѣть тѣ препятствія, перенести тѣ испытанія, кото-
рыя мы переносимъ и одолѣваемъ. Война слила тысячи
людей различныхъ характеровъ, различной душевной
и физической закалки въ одинъ организмъ. Я, вольно-
опредѣляющійся Шаскольскій, пензенецъ Лаптевъ —
всѣ мы безымянные „боевыя единицы“. Наши личныя
убѣжденія, взгляды и переживанія—въ прошломъ, и
кажется, что это было очень давно, когда каждый изъ
насъ думалъ и чувствовалъ по своему. Когда прихо-
дится вмѣстѣ идти на смерть, тысячи разъ переживать
ее вмѣстѣ съ Лаптевымъ и Кирилловымъ, Шаскольскій,
окончившій политехнический институтъ и извѣздившій
вдоль и поперекъ Европу, становится похожимъ на
Лаптева, который, кромѣ своей деревни и казармы,
ничего не видѣлъ. Когда полкъ идетъ въ атаку, Ки-
рилловы и Лаптевы орутъ дикимъ, звѣринымъ голо-
сомъ. Это не „ура“, это ревъ звѣря, съ которымъ онъ,
не видя выхода, бросается, очертя голову, навстрѣчу
опасности, ревъ, которымъ онъ заглушаетъ свой страхъ.

.....

Мнѣ некогда, да и не могу я искать объясненій,
анализировать себя. Я—Лаптевъ, атомъ войны, и лич-
ная жизнь для меня безразлична, и личныхъ убѣждений
у меня нѣтъ, а есть что-то большее, чѣмъ я, которое
заставляетъ меня вмѣстѣ со всѣми пѣть предъ лицомъ
смерти: „Спаси, Господи“.

Когда ночью затихла пальба пушекъ и пулеметовъ, и сдѣлавшій четыре безуспѣшныхъ атаки непріятель отошелъ, словно по инерціи, словно наши удары оттолкнули его, къ горному городку З., мы всё уснули, какъ убитые. Усталость была такъ велика, такъ утомились руки отъ стрѣльбы, а умъ отъ впечатлѣній, хотя еще не осознанныхъ и хаотичныхъ, что сразу охватило оцѣпенѣніе, въ родѣ обморока или безпамятства. Но и во снѣ здѣсь чувства обострены до крайности. Спишь тяжелымъ сномъ, проходятъ въ мозгу кошмарныя сновидѣнія, и въ то же время слышишь каждый шорохъ, каждый звукъ, рождающійся подлѣ тебя, и вяло, во снѣ, воображаешь, откуда этотъ звукъ, къ чему онъ. Такъ и сейчасъ всю ночь слышны были стоны оттуда, гдѣ была гора тѣль. Они были протяжные, слились въ непрерывный гулъ голосовъ. Когда въ вѣтранный день прильнешь ухомъ къ улью, то слышно такое же гудѣніе. Стонало все поле, стонали за каждымъ кустикомъ раненые и умирающіе; ихъ были тамъ тысячи, и никто ни имѣлъ ни времени, ни возможности подобрать ихъ. Тысячи Францевъ и Фрицевъ, которыхъ дома, въ Австріи или въ Германіи, ожидали съ тревогой и любовью жены, невѣсты, матери, сестры, умирали здѣсь отъ ранъ, отъ жажды, задыхались подъ грудой тѣль, превращались въ кровавую гниющую падаль—въ пищу прилетавшему сюда безъ числа воронью. Некому было помочь имъ, и намъ было не до нихъ.

На зарѣ пріѣхалъ ординарецъ съ приказомъ идти къ городку З., т.е. начать наступленіе. Съ запада къ З. подходила колонна подъ начальствомъ генерала И. Туда стягивались всё части, находившіяся на этомъ фронтѣ сраженія. Надо было взять городокъ, стоявшій по пути къ Дуклямъ, удобному перевалу черезъ Карпаты. Переходъ къ З. не былъ бы труденъ, если бы не

изрѣзанная холмами съ крутыми подъемами мѣстность. Но нашего солдата, по словамъ Лаптева, „собака не съѣсть“. Только что выдержавшіе двѣ недѣли „позиціонной“ борьбы въ окопахъ, а до того сдѣлавшіе рядъ маршей и контръ-маршей по болотамъ, они, какъ ни въ чемъ не бывало, зашагали къ З., карабкаясь при помощи винтовокъ на горы, скатываясь внизъ „на своихъ салазкахъ“, минуя ущелья и пропасти.

Заросшіе прекраснымъ строевымъ лѣсомъ холмы, покрытые зарослями олешника и низкорослой горной березы, долины, нивы, поемныя луга на берегахъ многихъ рѣчушекъ, приводили солдата въ восхищеніе.

— Богатый это край, ребята.— говорилъ Лаптевъ. Набравъ горсть земли, онъ дѣловито разсматривалъ ее, растирая между пальцами. — Хорошая земля, жирная. Стоить, братцы, повоевать изъ-за такой земли.

Въ умѣ Лаптева или Кириллова эта большая драка — война, имѣетъ только тотъ смыслъ, что люди воюютъ изъ-за земли:

— Отъ хорошей жизни развѣ пойдешь воевать?

.

— Что и говорить! Въ газетахъ все прописано, какъ, что и къ чему.

Или:

— Мы люди темные. Куда намъ понять?

.

Про это толкуютъ между собою Лаптевы и Кирилловы во время походовъ или лежа въ окопахъ.

И вотъ Лаптевъ, идетъ безъ страха въ бой, бросается съ пѣньемъ молитвы въ кровопролитную атаку и гонить и бьетъ превосходно вооруженнаго культурой и военной техникой противника при самыхъ неблагоприятныхъ для насъ условіяхъ. Въ Лаптевѣ безконеч-

ный источникъ силъ, энергіи, онъ не боится ничего, онъ никогда не устаетъ, онъ съ раной, отъ которой иной человѣкъ свалится съ ногъ, продолжаетъ сражаться, отказываясь идти на перевязку:

— Чего я, елки зеленя, канителиться стану!

Это—не война, а что то другое, болѣе обширное по значенію и смыслу, а главное, по духу. И хотя „по нашему“ это выходитъ такъ, а по-лаптевски „этакъ“, но суть дѣла—одна и та же: и мужикъ Лаптевъ и интеллигентъ Шаскольскій видятъ смыслъ войны въ конечномъ торжествѣ права.....

И сейчасъ, переваливая послѣдній склонъ П-скихъ холмовъ, четвертая сутки въ походѣ, послѣ двухнедѣльнаго боя, Лаптевъ, Кирилловъ, Шаскольскій, полякъ-патріотъ Сливинскій, который вѣритъ, что и имъ обязательно „что-то дадутъ“, еврей-барабанищикъ Кроль, татаринъ Бардаевъ—все идутъ бодрымъ мѣрнымъ шагомъ, какъ на смотру.

— Лѣвой—правой, лѣвой—правой.

III.

Фуражки помяты, шинели въ грязи, лица небриты, сапоги истоптаны—невзрачный видъ у колонны, идущей въ бой послѣ долгаго перехода. И офицеры, такіе же невзрачные, неказистые на видъ, какъ мы, шагаютъ рядомъ, каждый со своей частью, и забрызганный грязью длинный хвостъ артиллеріи сѣро и буднично какъ-то громыааетъ по дорогѣ, среди сѣраго кустарника, подъ мелкимъ, нуднымъ дождекомъ.

Близко, за рощей, громыааютъ орудія. Пострѣляютъ и перестанутъ, потомъ снова начнутъ свою болтовню. Тамъ идетъ большой бой, который колонна генерала И. завязала съ непріателемъ западнѣе города З. Городокъ зажженъ снарядами, и яркое зарево багровѣетъ

на хмуромъ вечернемъ небѣ. Три гулкихъ взрыва одинъ за другимъ потрясаютъ воздухъ, а черезъ нѣсколько минутъ за ними слѣдуетъ четвертый; слышно, какъ что-то, звеня и треща, рухнуло, словно обрушилась полка съ посудой:

— Дзень!

Это взорвали мосты за городомъ, въ тылу у непріателя, которому, очевидно, отрѣзали отступление, охвативъ оба его фланга.

Намъ нужно ударить въ центръ, разъединить стыкъ между двумя корпусами, находящійся у городка З. Ночью, въ сырой и липкой тьмѣ, мы пробираемся сквозь чащу дубняка. Здѣсь, въ лѣсу, такъ темно, что не видно лица сосѣда, а наверху небо густо-багровое. Его то и дѣло бороздятъ ракеты снарядовъ, разбрызгивающихъ во всѣ стороны яркія искры.

Вдругъ верхушки деревьевъ сразу побѣлѣли. Длинная полоса свѣта пробѣжала по небу, упала на лѣсъ, на шоссе, пошарила въ обочинахъ дороги и озарила яркимъ, слѣпящимъ глаза сіяніемъ наши ряды. Непріатель открылъ насъ и началъ обстрѣливать лѣсъ.

Быстро вышли на опушку и стали перестраиваться въ боевую колонну. Съ высоты З. сюда сыпались снаряды ужаснымъ сплошнымъ дождемъ, и казалось совершенно невозможнымъ пробѣжать подъ этимъ огненнымъ ливнемъ поляну, взлетѣть на высоту и взять укрѣпленный и защищаемый горной артиллеріей городокъ.

— Въ атаку!

Сердце бьется сильно, вотъ-вотъ выскочить изъ груди. Холодный потъ катится по лбу, а ноги сами несутъ въ огонь, среди рвущихся снарядовъ. Маленькій Кроль, стараясь перекрычать грохотъ орудій, топотъ, звонъ, свистъ, во все горло оретъ:

— Шма, Исрозль! (Слушай, Израиль!).

Кричать всѣ, и каждый свое, потому что не кричать нельзя: надо перекричать страхъ.

Что-то мягкое подъ ногами. Запнулся и упалъ. Это унтеръ-офицеръ Филипповъ. Раненъ въ грудь. Хрипя и извиваясь, онъ силится ползти впередъ и, грозя кулаками грохочущимъ высотамъ, — ругается похабной бранью. Но тонетъ его голосъ въ тысячахъ криковъ, замираетъ и слабѣетъ, и едва слышно, какъ вмѣстѣ съ послѣднимъ кровавымъ плевромъ вырывается изъ его прострѣленной груди проклятiя матерямъ, родившимъ непріятеля.

Даже здѣсь, въ этомъ бѣшенномъ налетѣ, сказывается характеръ человѣка. Великанъ Кирилловъ бѣжить, размахивая прикладомъ, хотя некого еще пока бить и кричить:

— Ахъ, сволочь! Ну-ка, вылазь!

Лаптевъ, нагнувъ голову, мчится впередъ, не разбирая дороги. Онъ робокъ, немного даже трусливъ, но стоитъ ему дорваться до первыхъ рядовъ непріятеля, какъ онъ свирѣпѣетъ и, забывъ о страхѣ, крушитъ и ломитъ.

Методичный Шаскольскій не размахиваетъ руками безъ толку, не кричитъ, не мечется изъ стороны въ сторону. Онъ прижалъ локти къ туловищу, втянулъ голову въ плечи, присѣлъ, какъ-то весь напружинился и сдѣлалъ скачекъ въ одну сторону, другой—въ противоположномъ направленiи, третій, словно конь на шахматной доскѣ.

Это моя тактика, — объяснилъ онъ какъ-то свои скачки.—Я сокращаю этимъ разстояніе и достигаю минимума опасности...

Однако „тактика“ на этотъ разъ не спасла бѣднаго Шаскольскаго. Сдѣлавъ третій скачекъ, онъ падаетъ ничкомъ, успѣвъ только крикнуть:

— Я готовъ, чортъ возь...

Даже выругаться не успѣлъ. „Марфутка“ добила его, разбрызгавъ по всему полю то, что было Шаскольскимъ.

— Влады-ы-чица!

Осколокъ снаряда угодилъ въ животъ Лаптеву. Нагнувшись и прижавъ руки къ животу, онъ бѣжитъ, заправляя выпадающія розовыя кишки и кричитъ надрывающимся голосомъ:

— Вла-а-ды-чи-ца!

Непріятель бросился въ контръ-атаку у самаго городка, который пылалъ во всѣхъ концахъ. Теперь страхъ прошелъ. Руки сами кололи, били, а въ головѣ была одна только мысль: прорваться. Преодолѣлъ мягкое препятствіе подъ штыкомъ, вырвалъ его—и дальше, и снова тыкаешь его во что-то мягкое, стараясь не думать, что это живое, человѣческое тѣло. Руки проколотаго врага хватаются за винтовку, отталкиваютъ ее отъ себя, по штыку стекаетъ кровь, бѣжитъ струйкой по ложбинкѣ, заползаетъ за рукавъ и тамъ свертывается липкими сгустками.

Кирилловъ давно бросилъ винтовку. Онъ дерется, по обыкновенію, кулаками. Обнялъ дюжого австрійца, стиснулъ его такъ, что у того кости затрепали и, ухнувъ, швырнулъ его о земь. Бросился на другого, свалился съ нимъ и душилъ его, пыхтя и ругаясь:

— Ахъ, распросукинъ сынъ!

Какой-то бородатый венгерецъ, съ дикимъ, перекошеннымъ лицомъ, сверкая глазами, бросился на поручика В., нашего полуротнаго. Тотъ отскочилъ въ сторону и, размахнувшись изо-всей силы шашкой, рубанулъ венгерца. Шашка разрубила голову до подбородка и сломалась.

Подошедшая съ тыла колонна полковника С—скаго ударила на задніе ряды сражавшагося съ нами непріятеля. Стиснутый съ обѣихъ сторонъ, онъ дрогнулъ и

бросился влѣво, къ лѣсу, гдѣ его ждалъ N—скій полкъ. Не преслѣдуя непріятеля, мы вошли въ городокъ З. На его кривыхъ и узкихъ улочкахъ продолжалось сраженіе. Изъ каждаго окна, съ крышъ, съ балконовъ насъ обстрѣливали, обливали кипяткомъ, забрасывали камнями. Въ довершеніе всего городъ пылалъ и приходилось сражаться въ огнѣ, въ дыму, разбившись на мелкіе отряды. Гдѣ-то протяжно и гулко стоналъ набатъ. Согнанные къ соборной площади, окруженные со всѣхъ сторонъ, австрійцы сдавались. А здѣсь они продолжали съ геройствомъ отчаянія сраженіе изъ домовъ, изъ угловъ и закоулковъ.

Какой-то старикъ съ бѣлой, взлохмаченной бородою, выскочилъ изъ горящаго дома; онъ обнялъ подушку, кричалъ и смѣялся:

— Цурка моя ладная! Ха-ха-ха! Потанцуемъ, цурка моя.

Мимо него пробѣжалъ солдатъ, размахнулся, чтобы ударить его прикладомъ. Кирилловъ схватилъ солдата за шиворотъ, отбросилъ его въ сторону.

— Не замай, звѣрюга,—сказалъ онъ.—Аль не видишь, тронулся.

...Черезъ нѣсколько часовъ звуки рожка собрали насъ на площади. Мы выступали изъ горѣвшаго и взятаго нами З. по направленію къ Дуклямъ...

